

Тепло, исходившее от ладони Цзин Итуна, окутало его макушку. Это простое прикосновение было настолько ощутимым, что, несмотря на его лёгкость, по сердцу Фан Синьгу разлилась согревающая волна.

С того самого момента, как тот впервые появился на съёмках шоу «Мир огромен», юноша бесчисленное количество раз задавался одним и тем же вопросом.

«Неужели он приехал ради меня? — Фан Синьгу не смел поверить в это до конца. — Чтобы исполнить то шутовское обещание, данное много лет назад?»

Он боялся, что всё это лишь плод его воображения.

И вот Цзин Итун самым обыденным тоном подтвердил: да, я здесь ради тебя. Чтобы исполнить то обещание, пусть даже оно и походило на шутку.

Осознание того, что кто-то, а в особенности тот, кого ты любишь, так дорожит тобой, в одно мгновение сокрушило все возведённые Фан Синьгу стены. Оно коснулось самого уязвимого места под его бронёй. В этот миг он почувствовал, как к глазам подступает жар, а в носу неприятно защекотало.

Он поспешно отвёл взгляд, не желая, чтобы Цзин Итун заметил его смятение, и, силясь придать голосу безразличие, упрямо пробормотал:

— Это я раньше по глупости сказал, не бери в голову.

Цзин Итун легонько стукнул его по макушке:

— Эй, так значит, только я один помнил об этом обещании? Выходит, я зря приехал.

С этими словами он собрался убрать руку, покоившуюся на волосах Фан Синьгу.

Услышав в его голосе неприкрытые нотки разочарования и обиды, юноша тут же запаниковал. Не успев даже подумать, притворяется тот или нет, он инстинктивно схватил мужчину за руку и поспешно взял свои слова обратно:

— Нет, не зря! Я не это имел в виду.

— М-м?

Цзин Итун пристально и спокойно смотрел на него, словно побуждая продолжить.

— Я хотел сказать... — Синьгу отпустил его руку и, нервно сглотнув, тихо добавил: — Спасибо тебе, брат.

Только тогда актёр улыбнулся. Он ухватил Фан Синьгу за щеку и легонько её потрепал:

— Какой же ты упрямец. Если бы для тебя это была просто шутка, разве ты помнил бы о ней до сих пор?

Фан Синьгу, уличённый в своих истинных чувствах, смутился и позволил терзать своё лицо.

— Опять ты всё знаешь.

Мужчина отпустил его и незаметно потёр кончики пальцев, будто вспоминая нежное прикосновение к его коже.

Он снова сел на диван, расслабленно откинулся на спинку, закинул руку на подлокотник и, повернувшись к Фан Синьгу, сказал:

— Ну конечно. Люди меняются, но одно остаётся неизменным: я твой брат. А значит, и мои обещания, данные тебе, не меняются. Я всё, что с тобой связано, хорошо помню.

Синьгу на миг замер.

— ...К чему такие сентиментальности.

— В детстве мы и не такое говорили, — усмехнулся Цзин Итун. — И я, в отличие от тебя, бессердечного, не забываю о близких. Сам уехал в Антарктиду и даже не удосужился мне сообщить.

Слова звучали как упрёк, но в голосе слышалась лишь забота.

Фан Синьгу почувствовал, как бешено заколотилось сердце.

— Ты такой занятой, — медленно проговорил он. — Я не знал, будет ли у тебя время, не хотел беспокоить.

— Говоришь так, будто это я виноват, что не доложил тебе о своём расписании, — пробормотал Цзин Итун. — Что за беспокойство — просто написать пару слов? Если бы ты позвал, я бы обязательно приехал. Впрочем, даже если ты и не звал, разве я сам не навязался?

Фан Синьгу рассмеялся, и его лицо посветлело. Он даже решил подшутить в ответ:

— Ну раз ты всё равно бы приехал, зачем мне было тебя звать?

Цзин Итун потерял дар речи.

— Не мог бы ты хоть немного постараться ради меня?

Фан Синьгу тихо рассмеялся.

Время было уже позднее. Цзин Итун не стал задерживаться и попрощался:

— Я пойду. Отдыхай. Спокойной ночи.

— Угу, спокойной ночи, брат.

Мужчина взъерошил ему волосы и, развернувшись, вышел.

Комната погрузилась в тишину. Всё замерло, время словно остановилось. Фан Синьгу так и остался сидеть на диване в той же позе, в какой проводил Цзин Итуна. Улыбка застыла на его губах, а взгляд был прикован к тому месту, где только что сидел его гость.

Время шло, чай на столе окончательно остыл. Лишь тогда юноша согнулся, спрятал лицо в ладонях и глубоко вздохнул. Его склонённая шея казалась невероятно хрупкой.

«Цзин Итун действительно такой хороший. И я действительно так сильно его люблю»

Тупая боль пронзила сердце Фан Синьгу. Лучше бы Итун не был таким замечательным. Тогда бы его сердце не замирало от каждого взгляда и не сжималось от боли при каждой встрече.

Но в одном мужчина был прав: сколько бы лет ни прошло, как бы ни менялись их отношения, и даже с кем бы Цзин Итун ни связал свою жизнь в будущем, он навсегда останется его братом.

Но, возможно, и только братом.

«Нам суждено быть как две параллельные прямые: всегда рядом, но никогда не пересекаться, — Синьгу прекрасно это понимал. — Виноват лишь я сам, неосторожно сделавший шаг в сторону и позволивший своим чувствам всё испортить»

На следующий день съёмки «Мир огромен» возобновились.

Когда ассистент Чжоу Сяою и визажист вошли в номер Фан Синьгу, они были ошеломлены тёмными кругами у него под глазами. Мастер по гриму безжалостно съязвил:

— Ты что, всю ночь чаек в порту кормил?

Этот визажист работал с Синьгу уже не раз, они были хорошо знакомы, поэтому в выражениях не стеснялись.

— Просто бессонница, — устало потёр лицо юноша, пытаюсь взбодриться.

— Ты что творишь?! — взвизгнул визажист, хватая его за руки. — Побереги своё прекрасное лицо! Нельзя так с ним обращаться! Ускоришь старение кожи, морщины появятся!

Фан Синьгу раздражённо потёр уши и, пропустив их в комнату, принялся собирать со стола разбросанные нотные листы.

— Всё равно все стареют, — небрежно бросил он. — Рано или поздно морщины появятся.

Стилист не мог смириться с таким фатализмом.

— Вид у тебя такой, будто сердце разбили, — холодно фыркнул он.

Чжоу Сяою рассмеялся:

— Не клевети на нашего Синьгу, он ещё невинный юноша.

— Ладно, невинный юноша, садись, будем делать из тебя человека, — закатил глаза визажист.

Фан Синьгу лишь промолчал в ответ.

Спорить с ними было бесполезно. Он сел перед зеркалом и указал на свои тёмные круги:

— Замаскируй, пожалуйста.

— А, так ты знаешь, что их надо маскировать? — прищурился мастер, беря в руки консилер. — Только работу мне добавляешь.

— А это разве не твоя работа? — прожевав кусок хлеба, вставил Чжоу Сяюю.

— Ха-ха, — усмехнулся визажист. — А ты думаешь, ты свою работу ассистента хорошо выполняешь? Даже стол за нашим учителем Фаном убрать не можешь.

Чжоу Сяюю взглянул на аккуратную стопку нот, которую только что собрал Синьгу:

— Это новые наброски Синьгу. Он всегда сам их разбирает, я не смею вмешиваться.

— Эй, — обратился мастер к Фан Синьгу, который сидел с закрытыми глазами, притворяясь мёртвым. — Ты что, не мог уснуть и всю ночь песни писал?

— Не всю ночь, — возразил Фан Синьгу. — Немного поспал. Сяюю, принеси мне кофе.

Ассистент взял банку с барной стойки и протянул ему. Фан Синьгу потрогал её, решил, что она слишком холодная, и отставил в сторону, чтобы позже подогреть в горячей воде.

— С такой разницей во времени бессонница — это нормально, — сказал Чжоу Сяюю. — Но если не спится, лежи спокойно. Зачем ещё песни писать? От этого точно не уснёшь.

Фан Синьгу не решился признаться, что дело было не столько в смене часовых поясов, сколько в Цзин Итуне, главном виновнике его бессонницы.

К счастью, визажист был мастером своего дела, и после его манипуляций юноша снова выглядел свежим и отдохнувшим.

Однако когда он вышел из отеля и сел в автобус съёмочной группы, его встретили пристальные взгляды шестерых остальных участников.

— Что такое? — удивился он.

Ли Вэньюй, подбирая слова, сказала:

— Ши-сюн, ты сегодня выглядишь особенно... особенно сияющим и ослепительным.

Ван Пэйян согласно кивнул:

— Прямо неотразим.

— Сегодня визажист перестарался? — растерянно коснулся своего лица Синьгу.

Шутка разрядила обстановку, и в автобусе зазвучал смех. Оглядевшись, Фан Синьгу понял, что он последний, и свободное место осталось только перед Цзин Итуном. Поколебавшись мгновение, он сел.

Не успел он устроиться, как сзади неслышно наклонился Цзин Итун и, пользуясь общим шумом, тихо спросил:

— Плохо спал?

Юноша удивился. Все остальные твердили, что он сегодня в отличной форме, как же тогда коллеге удалось с первого взгляда понять правду?

Не поворачиваясь, чтобы не привлекать внимания, он осторожно набрал на телефоне сообщение:

[Как ты узнал?]

Затем он поднял телефон так, чтобы Цзин Итун мог прочитать.

Увидев надпись, мужчина продолжил говорить ему в спину:

— Иначе у визажиста не было бы шанса перестараться.

Фан Синьгу вздохнул. Пожалуй, тот был прав: сегодня на макияж ушло больше времени, чем обычно.

— Почему ты не спал? — спросил Цзин Итун и, вздохнув, добавил: — Я, если честно, тоже не выспался.

В любой другой ситуации Фан Синьгу непременно бы расспросил его о причинах бессонницы.

Но сейчас в автобусе было слишком много людей и камер. Боясь выдать себя, он быстро напечатал:

[Помни, на камеру мы всё ещё притворяемся незнакомыми]

Цзин Итун промолчал. Ему очень хотелось спросить, почему юноша так упорно настаивает на этой игре.

Для кого этот спектакль — для фанатов или для него самого?

Может, всё дело в том, что они никогда не афишировали свои отношения, и Синьгу просто хочет сохранить статус-кво? Или...

Или потому, что Фан Синьгу всё ещё не может смириться с идеей договорного брака.

Тот с детства считал его своим братом, а теперь этот самый брат внезапно предложил ему пожениться. Наверное, это действительно трудно принять.

Пока Цзин Итун размышлял, Фан Синьгу, сидевший впереди, наострил уши, пытаясь уловить хоть какой-то звук сзади. Но прошло несколько минут, а мужчина молчал. Юноша забеспокоился: что он там делает?

Ему хотелось увидеть выражение его лица, но Цзин Итун сидел сзади, и обернуться было бы слишком заметно.

Подумав немного, Фан Синьгу незаметно повернул голову, надеясь разглядеть его в отражении оконного стекла, но актёр сидел, скрестив руки на груди, в глубокой задумчивости, и в окне отражался лишь его затылок.

«Неужели он обиделся?»

Фан Синьгу нахмурился. Он размял шею и по привычке сунул руку в карман пуховика, где нащупал тёплую банку кофе.

Это была та самая банка, которую дал ему Чжоу Сяою. Подогрев её в горячей воде, он положил её в карман, чтобы выпить по дороге.

Кажется, Цзин Итун тоже говорил, что не выспался?

Фан Синьгу оценил расположение камер и решил, что его плечи и всё, что ниже, в кадр не попадут. Он осторожно вытащил из кармана банку кофе, поставил её на подоконник, а затем двумя пальцами начал тихонько подталкивать её в сторону мужчины.

Сидевший сзади Цзин Итун поднял голову и увидел, как по подоконнику к нему медленно ползёт банка кофе.

Это было явно слепое пятно для камер. Два пальца — белые, длинные, с аккуратными, поблёскивающими ногтями — подталкивали банку сзади.

Несмотря на изящество руки, её движения были какими-то вороватыми, словно она пыталась тайно передать контрабанду.

<http://bllate.org/book/13481/1691231>